

Юрий Стрижко

-специальность «Ядерная физика».

-Распределился в Дальневосточное геологическое управление. Не получив работу по специальности уволился по «собственному желанию» и вернулся в Новосибирск. Перераспределился и устроился на работу в «СО ОРГРЭС» (Сибирское отделение всесоюзного треста по наладке оборудования тепловых электростанций). С тех пор и до настоящего времени работаю в области энергетики. До 1989 года работал в лаборатории изотермического моделирования, в 90-е годы и в начале 2000-х работал в наладке непосредственно на российских и зарубежных энергетических объектах. Последние 10 лет занимаюсь разработкой концепций реконструкций и модернизаций котлов и горелочных устройств.

- Женат, жена работает также в области энергетики – экономист, дочь студентка, учится на эколога.

Мои пожелания однокурсникам: здоровья, успехов, удачи и, конечно, счастья!

Как я был председателем академсовета и что из этого вышло

В конце второго и начале третьего курса (1965...66г.г.), когда в Академгородке работали самодеятельный театр Арнольда Пономаренко, самодеятельная киностудия под руководством Леонида Сикорука, когда в кафе

«Под Интегралом» проходили встречи с уже тогда известными бардами Галичем, Высоцким, Городницким, Кимом и другими ныне известными людьми, в студенческой среде все чаще возникало недовольство теми или иными решениями деканата по поводу качества преподавания и проведения практики.

На физфаке работать в институте можно было уже со второго курса, но узаконенные формы с оплатой работы и выделенными для этого учебными часами эта практика принимала только на третьем курсе. Естественно, возникало множество вопросов по этому поводу, которые качественно решать, учитывая общее количество студентов физфака, деканат был не в состоянии).

Множество вопросов возникало и с расселением студентов, состоянием дел в общежитиях, работой вахтеров, были большие претензии и к работе студенческой столовой. Комитет комсомола не вникал в эти вопросы и серьезно занимался лишь студенческими стройотрядами. Со стороны деканата также было понимание, что необходимо что-то предпринимать. Надо отметить, что подобная ситуация наблюдалась и на других факультетах. Таким образом, и верхам (руководству университета) и низам (студентам) было ясно, что дальше так жить нельзя.

На физфаке инициативная группа студентов, в число которых входил и автор этих строк, заручившись поддержкой деканата, организовала общее собрание физического факультета, на котором после бурного обсуждения наболевших вопросов было принято решение организовать некий коллективный орган (совет) физического факультета, в который должны были войти представители со всех курсов и представитель деканата. Основными задачами этого совета (позднее названного академическим) должны были быть решения наболевших вопросов студенческой жизни, которые бы устраивали и администрацию и студенчество.

Были долгие дебаты по поводу полномочий совета, по его взаимодействию с деканатом, в процессе обсуждения постепенно вырисовывался круг вопросов, которые требовали незамедлительных решений.

В конечном итоге решили избрать председателя совета и поручить ему, в рабочем порядке, подобрать членов совета и разработать что-то типа устава, где полномочия совета оговаривались. К моему несказанному удивлению большинством голосов я был избран председателем.

С высоты прожитых лет я думаю, что решающую роль в моем избрании сыграла частота и эмоциональность моих выступлений на этом собрании, по злободневным вопросам студенческой жизни и по поводу полномочий совета, поскольку многие из этих вопросов мы кулуарно обсуждали в узком кругу сокурсников. Да и было достаточно поводов обсуждать те или иные решения руководства, вызывавшие недовольство студентов.

Воистину инициатива наказуема! С тех пор прошло более сорока лет, я сейчас даже не могу вспомнить всех членов совета. Помню, что большое количество решаемых нами вопросов касались организации практики студентов и вопросов, связанных с распределением выпускников. В решении этих вопросов неоценимую помощь оказывал представитель старших курсов Валерий Рудяк

вплоть до своего ухода после распределения. Со стороны деканата в состав совета вошла зам. декана Татьяна Ивановна Протасевич, которая как член совета очень активно принимала участие в начале работы и была нашим рупором в администрации универа. Тогдашний декан физфака Байер В.Н. мало интересовался этими вопросами, но, надо отдать ему должное, не мешал нам работать.

Пришедший ему на смену Титов В.Н. сразу, оценив ситуацию, стал активно помогать, в результате чего академический совет физфака по результатам своей деятельности стал заметно выделяться среди советов других факультетов. Нам удавалось заменять преподавателей, которые недобросовестно относились к своей работе, решать вопросы по смене работы студентов физфака (как уже упоминалось выше, обязательной с третьего курса), если по уважительным причинам они этого хотели. Нам удалось прекратить «беспредел» со стороны администрации общежитий, которые пытались ввести в общежитиях, практически, тюремный режим. Вначале мы навели порядок в общежитиях, где жили физики. Затем, нашему примеру последовали и остальные.

Наш выпуск физфака 1969 года по специальности «ядерная физика» столкнулся с тем, что нас (выпускников) было очень много (такого количества «ядерщиков» просто было не нужно). Поэтому вопросы распределения выпускников 1969 года стояли весьма остро. Академический совет физфака совместно с деканатом пытался по мере возможности как то помочь в решении вопросов распределения выпускников.

Не могу сказать, что мы решили все вопросы. Это было просто невозможно, поскольку заявители зачастую давали просто недостоверную информацию о профиле и условиях работы, а также ее оплаты. Единственное, что нам удалось сделать, так это увеличить квоту свободного распределения, чем и воспользовались некоторые наши выпускники.

Для меня лично это неожиданное избрание председателем совета и последующая активная работа в его составе повлекло и весьма неожиданные последствия. Дело в том, что я был весьма далек от комсомольской жизни («наелся» ею еще в школе), занимался фотографией, затем стал посещать любительскую киностудию, которую в Академгородке организовал тогда неизвестный никому Леонид Леонидович Сикорук. В совокупности с учебой этого мне более чем хватало. И тут неожиданно председатель совета, да еще выбранный практически на стихийном собрании – это обязывало, и я сразу же активно включился в работу, продолжая заниматься фотографией и посещать киностудию.

После первых успехов в работе совета меня неожиданно вызвали в комитет комсомола, где я узнал, что меня включили в состав комитета комсомола университета, поскольку я, как комсомолец, был избран в председатели на общем собрании факультета. Меня эта новость не слишком обрадовала, поскольку я теперь должен был в обязательном порядке посещать заседания комитета комсомола, да еще и отчитываться о проделанной работе, а со временем у меня было очень напряженно.

Но нет худа без добра! В мае 1967 года был сформирован отряд студентов (активистов разных уровней) со всех факультетов в количестве 25 человек, которые в качестве стройотряда должны были поехать в Чехословакию. При этом оговаривалось, что отряд месяц работает, зарабатывает деньги, а потом на эти деньги принимающая сторона организует всему отряду экскурсионную поездку по стране. В свою очередь, из Чехословакии в Новосибирск прибывал отряд студентов Пражского университета также в количестве 25 человек, который после месячной работы, также должен был провести путешествие по нашей стране.

До сих пор удивляюсь, как нам нескольким физикам, имеющим второй допуск секретности, разрешили выехать за пределы страны. Как «активный деятель комсомола» я попал в этот отряд и до сих пор эта поездка вызывает у меня самые приятные воспоминания. Пришлось в этой поездке поработать фотографом. Этими материалами я хочу поделиться с теми, кто будет это читать.

Итак, о поездке. После подробной инструкции в обкоме партии о том, что можно и что нельзя и о том, как себя вести с представителями капиталистических и развивающихся стран, мы были отправлены на вокзал, где нас ждал фирменный поезд «Сибиряк». С этого момента я стал только фотографом. Прощальное фото на вокзале запечатлело всех очкариков отряда. Крайние справа и слева представители нашего курса «очкарики» Толик Еремин и автор этих строк Стрижко.

На следующей фотографии всем привет передает также наш однокурсник Володя Кузьмин, который еще не подозревает, что в этой поездке встретит свою любовь.

По приезду в Прагу нас поселили в студенческом общежитии и наутро наши пражские друзья устроили нам замечательную экскурсию по городу с посещением пражского кремля. На снимке мы на смотровой площадке кремля, откуда открывается изумительный вид на город. Сидит Толик Еремин, слева подбегает Володя Кузьмин, второй слева стоит Миша Лельчук.

Вечером нам организовали посещение знаменитой пивной «У Флеку», где посетители сидят за длинными столами в помещении пивной или во внутреннем двореке друг против друга и потребляют черное пиво своего фирменного производства крепостью 14° (против 7° известного тогда нам нашего

«Жигулевского»). Случилось так, что мы сели в один ряд за одним длинным столом, а напротив нас сидели немцы и местные и, судя по комплекции, большие любители «пенного напитка».

Пиво было настолько неожиданно хорошим, что даже наши девочки никогда не пившие (по их утверждению) нашего пива, снизили до двух кружек. Кружки, в которых подавали пиво, имели диаметр 10 см. (как оказалось это стандарт), поэтому количество потребленного пива измерялось метрами. Другими словами, если ты выпил полметра, то это означало пять кружек.

После первых кружек завязалась непринужденная беседа с представителями «напротив» на дикой смеси русского, чешского и немецкого языков, но с увеличением «метража» выпитого языковые проблемы возникали все реже и реже. Случилось так, что напротив нашего богатыря Фимы (он на верхнем снимке стоит крайний справа с бородкой) сидел здоровенный немец килограмм эдак под 120. Между ними сразу возникла симпатия, они оживленно разговаривали и через некоторое время Фима сообщил, что немец предлагает ему пари – кто больше выпьет, не отходя в туалет, выигравший оплачивает выпивку. Мы прикинули свои финансы и стороны ударили по рукам, они вместе сходили в туалет (чтобы соблюсти равенство начальных условий) и приступили. После полуметра выпитого, с комментариями болельщиков с обеих сторон, процессом заинтересовались остальные посетители, и пари продолжалось уже при большом стечении публики.

Фима продержался! Немец сдался после 13-ой или 14-ой кружки, а наш, лишь только выпив пятнадцатую (полтора метра!), с достоинством удалился в туалет. Немец оплатил счет и угостил всю нашу группу: по кружке пива на каждого. Местные были в восторге и чуть ли не на руках вынесли Фиму из заведения, что было очень кстати, потому что передвигаться самостоятельно Фима уже не мог. Пиво оказалось забористым, все были под хорошим градусом, но благополучно донесли себя и Фиму до общежития.

На следующий день экскурсии продолжились, но уже без возлияний, и через день смешанный стройотряд русских и чешских студентов выехал в город чешских королей, который так и назывался Градец Кралове, где мы приступили к работе на строительстве завода по производству цветной пленки известной у нас впоследствии под маркой «ФОМА».

На этой стройке работал интернациональный отряд, состоящий из русских, чехов – наш смешанный отряд от университетов, а также нескольких немцев из ФРГ и одного англичанина, приехавших туда за свой счет с целью изучения языка.

Нас поселили в роскошном, по нашим тогдашним меркам студенческом общежитии, представляющим собой жилой комплекс с комнатами на двоих, с просторным холлом и залом для встреч и приемов. В летнее время этот комплекс частично использовался как гостиница (см. фото ниже).

В этом комплексе проживали вместе с нами с десяток африканцев (негров) из разных стран Африки. Чем они там занимались, нам выяснить не удалось - мешал языковой барьер, который не удалось преодолеть даже с помощью универсального переводчика – застолья, которое мы организовали по приезду, используя запасы привезенного спиртного и скромный аванс, выданный нам по приезду. Нас разбили по бригадам и начались рабочие будни. На первой фотографии наши ребята готовят траншею под заливку фундамента: на заднем плане Олег Слюдкин, Миша Лельчук, англичанин, которого потом перебросили в грузчики, поскольку копать он не умел, на переднем плане Толик Еремин, спиной Володя Кузьмин.

На втором фото бригада, в которой работал Аркаша Гладких во время обеденного перерыва.

Самая большая бригада (по количеству людей с нашей стороны) занималась бетонными работами. Я вместе с одним немцем, с переведенным к нам англичанином и двумя чехами занимались погрузкой, разгрузкой и подвозом

необходимых материалов, работающим бригадам. За нами был закреплен грузовик, и мы целыми днями мотались по городу и стройке.

Работа там начиналась в 5 утра, в девять небольшой перерыв с перекусом, в 11 обед и в три часа работа заканчивалась. Через пару дней работы, подъехав в одиннадцатом часу к котловану, где работали бетонщики, мы увидели удивительную картину: все чехи лежали кверху пузом в укромных местах, а наши как угорелые носились по котловану, укладывая бетон, который подвозился строго по расписанию. Оказалось, что наши по просьбе чехов устроили «прописку» со спиртным, привезенным нами из России, а поскольку их перекус обязательно сопровождался принятием пива, непривычные к такому коктейлю организмы чехов стали дееспособными только спустя несколько часов. Что касается нашего брата, то для них это было, что слону дробина. Несколько часов проработав за всю бригаду, они не нарушили технологический процесс укладки бетона и заслужили большое уважение среди работяг, да и у руководства тоже.

Надо также отметить, что привыкшие в стройотрядах к ударным темпам работы, наши ребята вызвали большое удивление у чехов скоростью выполнения порученных работ и их качеством. То, что чехи делали за два дня, наши выполняли за несколько часов, а приемщики работы не могли придираться к качеству. В связи с этим часть наших ребят, поставленных на неквалифицированные работы, были в

срочном порядке распределены по бригадам. В результате мы смогли заработать заметно больше, чем рассчитывали. При общежитии, где мы проживали, размещался великолепный спортивный комплекс, и свободное время мы часто проводили там.

Тогда же возникла идея провести товарищеский матч по футболу между сборной пражского университета и нами. Договорились и в один из выходных матч состоялся. На снимке показана группа болельщиков в момент забития гола нашими ребятами. На первом плане Миша Лельчук, с поднятыми руками слева Володя Кузьмин, справа Толик Еремин. В центре Олег Слюдкин, Иосиф Панич и Фима - свистит.

На втором снимке – Аркаша Гладких среди местных болельщиков.

Честно признаюсь, не помню, кто выиграл встречу, но продолжение встречи за столом было великолепным.

По выходным мы выезжали осматривать достопримечательности, расположенные в пределах сотни километров от Градец Кралове. Поэтому в конце месяца работы мы уже хорошо представляли основные достопримечательности Чехии. После месяца работы мы заработали достаточное количество средств, чтобы поехать в любое место Чехословакии и провести там пару десятков дней.

Был предложен и второй вариант: в наше распоряжение выделялось два автобуса, вернее автобус с прицепом на котором мы могли свободно передвигаться по Чехословакии до тех пор, пока не закончатся заработанные средства. Мы выбрали второе и отправились в вояж по стране. На снимке – перекур на марше. В центре виден курящий Толик Еремин.

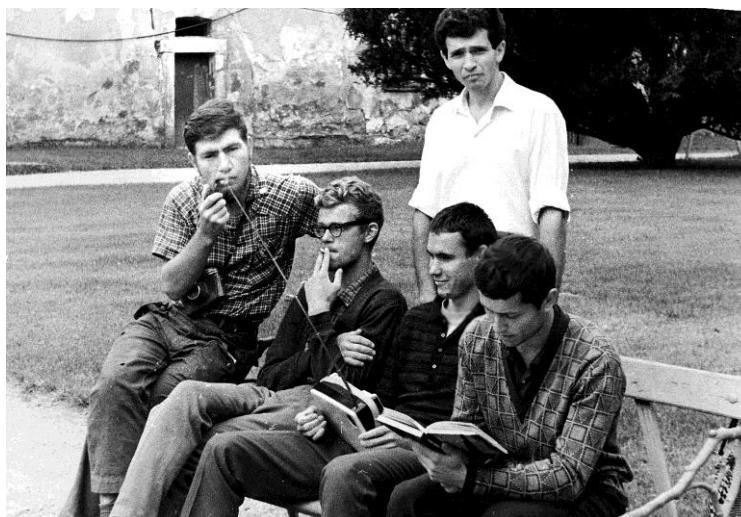
Руководство стройки совместно с руководством города устроили нам совершенно роскошные проводы, на территории местного пивоваренного завода, где мы были во время работы на экскурсии и уже пробовали их продукцию. Были речи, подарки и великолепное застолье только с пивом и всем тем, что к нему прилагается. Должен признаться, что подобного застолья с пивом такого качества я больше нигде и никогда не встречал, хотя мне удалось побывать во многих странах. Для нас впервые выехавших за рубеж после советской действительности все это произвело большое впечатление. Достаточно сказать, что, вернувшись в Москву, мы посетили известный пив-бар на Пушкинской, заказали пиво и кое-что для него и, не допив кружки, не сговариваясь, лишь только обменявшись взглядами, рассчитались и ушли оттуда.

Дальнейшее пребывание в Чехословакии выглядело так – переезд

несколько часов, прибытие на место, расселение, экскурсии по городу пешком, а при необходимости передвижение на своем транспорте к месту следующей экскурсии. Иногда задерживались на несколько дней. В качестве гидов выступали наши друзья студенты Пражского университета, с которыми мы работали на стройке, они же выбирали и предлагали нам маршрут передвижений. В качестве иллюстрации привожу несколько фотографий этого периода. На снимке внизу типичный завтрак бутылка молока с рогаликом, крайний справа Миша Лельчук, в центре Салик Гузнер, на заднем плане Толя Лубков с фотоаппаратом.

На следующем кадре мы ждем после завтрака автобуса, чтобы отправиться на очередную экскурсию.

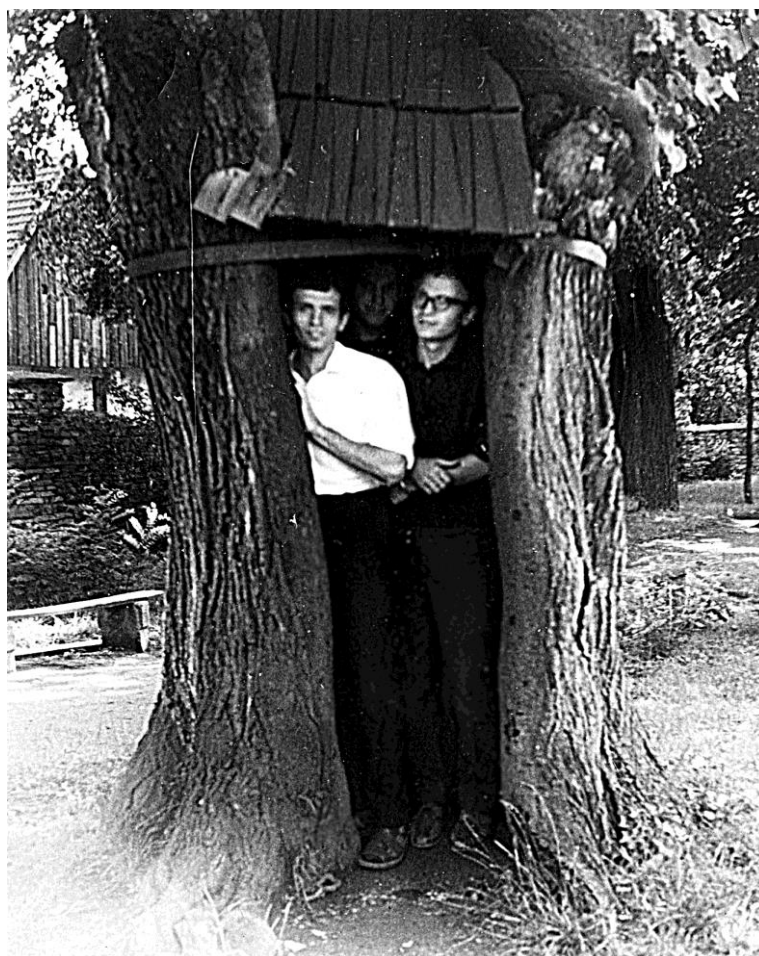
На заднем плане стоит Миша Лельчук, с приемником сидит Володя Кузьмин. Кстати сказать – этот приемник был единственным источником

информации о России. На следующем снимке мы в замке чешских королей, который с трех сторон

окружен обрывами, один из которых мы созерцаем.

На следующем кадре Миша Лельчук и Толик Еремин на одной из экскурсий

Театрализованное представление в одном из городов. На пушке сидят наши ребята. Чехам бы такое и в голову не пришло. Фото ниже: «балдеж» в одном из музеев.

Олег Слюдкин и Салик Гузнер пробуют на вес пушку.

Отдельно хочу сказать о посещении курорта Карловы Вары. Когда мы туда прибыли оказалось, что общежитий там нет, а селиться в отелях нам не по карману.

Но Европа есть Европа! Оказалось, что уже тогда на этот случай предусмотрено поселение в воинских двухместных палатках с утепленным полом и кроватями, постельным бельем и достаточно комфортабельных душах и туалетом не «типа сортир», а с унитазом и отдельными кабинками. Причем стоило это удовольствие буквально копейки. Обрадовавшись такому повороту дела, мы задержались в Карловых Варах на несколько дней, благо было что посмотреть. В этом месте жизнь протекала очень размеренно и спокойно. По улицам ходили

ухоженные люди, посасывая целебную воду местных источников из специальных кружек с горлышком как у чайника, не было слышно громкой речи, а уж тем более музыки, множество мелких магазинчиков, никаких очередей, великолепное обслуживание без проблем с языком. На снимке ниже - Аркаша Гладких в «отеле», вышел из «спальни» покурить.

А здесь мы просто «балдеем» усевшись друг другу на колени и, замкнув круг, ждем автобуса. Нам хорошо и весело.

В заключение хочу сказать, что мы ездили по стране дней 18, и, хотя была возможность и средства продолжить путешествие, мы настолько соскучились по дому, по борщу (даже столовскому), (надо сказать, что супов там просто нет, но однажды, по нашей просьбе, в одном из городов нам подали супчик, после чего мы о супчиках даже не заикались), по родной речи, что единогласно приняли решение - **возвращаться домой досрочно.**

Моя биография

Армения, оз. Севан, 2012г.

Я, Стрижко Юрий Владимирович, родился 26 апреля 1946 года на Урале, в городе Тавда Свердловской области. Мои родители оказались там не по своей воле, и история их появления в этих местах заслуживает отдельного внимания.

Отец – немец по национальности, в 1941 году окончил первый курс МФТИ им. Баумана. Когда началась война, он, как и большинство его сокурсников, явились в военкомат записываться добровольцами на фронт, но вместо армии он и несколько его однокашников соответствующей национальности были арестованы и этапированы в Карагандинскую область Казахстана, оказавшись в концлагере.

К тому времени в Казахстане уже находилась старшая сестра отца, выпускница уже тогда знаменитой «Плехановки», попавшая туда по той же схеме, что и отец, но на свободное поселение. Их родители были тоже репрессированы, но мать – школьная учительница, благодаря стараниям дочери, оказалась в Казахстане, а отец (мой дед) – врач, что называется «от бога», был отправлен в лагерь на Урал еще в 1939 году.

Дед с 1933 года находился под неусыпным контролем НКВД. Дважды в 1933 и 1937 годах подвергался арестам, но выдержал все допросы с пытками, не подписал наговор на себя, благодаря чему остался жив, и оба раза выходил из застенков, но в 1939 году, также ничего не подписав, что спасло его от расстрела, все же был отправлен в лагерь.

Дед, будучи врачом и очень волевым человеком, выдержал самую страшную пытку, широко применявшуюся в НКВД – пытку сном. Выглядело это следующим образом – сменявшие друг друга сотрудники НКВД не давали с помощью побоев арестованному спать. Больше трех суток не выдерживал никто и подписывали все, что им подсовывали. Дед научился спать с открытыми глазами и в этом случае не выдерживали истязатели.

После года пребывания в Карлаге мой отец, восемнадцатилетний пацан, дошел до полного истощения и отдал бы богу душу, но спасла сестра, добившаяся его перевода на Урал в лагерь к деду, где он работал по специальности (лагерным врачом). Дед его выходил и вскоре отец стал работать механиком в этом лагере.

В конце войны дед с отцом были переведены на свободное поселение без права выезда. Вскоре произошло знакомство отца с моей матерью. У нее своя интересная история. Моя мать старше отца и в начале войны закончила четвертый курс воронежского Политеха по специальности химик. В 1941 году их институт был эвакуирован в Бийск, где она защитила диплом и распределилась в город Тавда на местный хим. завод.

Так город Тавда стал моим местом рождения и местом рождения моей сестры. В 1949 году деду разрешили воссоединиться с женой, и он уехал в Казахстан к жене и дочери, а в 1950 году мы всей семьей тоже переехали в Казахстан в город Темир-тау Карагандинской области. Таким образом, вся семья собралась вместе, что бы вместе бороться за выживание.

Надо сказать, что моя семья не была оформлена официально, и мы носили фамилию матери, которую так и не сменили впоследствии. Мои родители расписались лишь только в 1967 году, когда отцу было разрешено свободно передвигаться по всей стране. До 1967 года он, как и все репрессированные, мог съездить в другой город СССР только в командировку или в отпуск. К матери, формально считавшейся матерью одиночкой, и к нам, носившим ее фамилию, это не относилось.

Город Темир-Тау населяли репрессированные из Центральных областей, из Прибалтики и Кавказа и небольшое количество аборигенов (казахов). Был большой процент хорошо образованной интеллигенции из крупных городов европейской части СССР, которая трудилась в общеобразовательных школах, в заведениях культуры и на местных заводах. В связи с этим дети Темир-Тау в то время получали среднее образование не хуже московского. В Москву поступать мало, кто совался – родители останавливали, зная то, отчего они нас оберегали, но в вузы Томска и Новосибирска поступали многие, не говоря уже о вузах г. Караганды.

В НГУ в 1964 году приехали пятеро и все поступили, закончили четверо. Итак, в 1969 году я закончил физфак НГУ по специальности «ядерная физика» и распределился в Дальневосточное геологическое управление с обещанием работы по специальности и отдельной комнатой в общежитии (это было прописано в заявочном договоре). Вместе со мной туда распределились Таня Лузина и Лева Стеблич. По приезду выяснилось, что работы по специальности нет, и не будет, а о комнате в общежитии можно было даже не мечтать. Для этого региона нужны были просто люди, привязанные к месту (на три года в нашем случае), а специальность мало кого интересовала. Подъемные через месяц кончились. Некоторое время мы с Левой продержались, играя в преферанс на городском пляже, но наступил сезон дождей и игры закончились.

Возвращаться домой было не на что, пришлось устраиваться на работу. Поскольку мы с Левой были настырные и сильно досаждали начальству по поводу выполнения условий заявочного договора, нас отправили куда подальше – Леву в Тетюхи (ныне Рудная пристань), где уже находилась Татьяна, приехавшая немного раньше нас, а меня в Кавалерово, а оттуда в тайгу в экспедицию.

С тех пор я слевой больше не встречался лишь только несколько лет назад начал переписываться с ним по электронке. Проработал я в тайге до первой получки, затем вернулся во Владивосток и мне подписали заявление на увольнение по собственному желанию.

Вернувшись в Новосибирск в середине октября, в конце месяца я устроился в Сибирское отделение ОРГРЭС. Наводку дали наши ребята, получившие свободное распределение и искавшие работу в Новосибирске. ОРГРЭС всесоюзная фирма, имевшая 7 отделений по всему Союзу, производила пуск и наладку энергетических котлов. Сибирское отделение (СО в дальнейшем) специализировалось на котлах сжигающих твердое топливо и обслуживало объекты Сибири и Казахстана и, частично, Дальнего Востока.

К тому времени в СО ОРГРЭС уже была создана хорошая аэродинамическая лаборатория, проводившая работы по изотермическому моделированию топочных процессов наравне с аналогичными лабораториями институтов Москвы и Ленинграда. Поскольку мой диплом был связан с проблемами в области газодинамики, я посчитал, что смогу успешно работать в этой области. Руководство и отдел кадров СО ОРГРЭС помогли мне перераспределиться, и я на правах молодого специалиста приступил к работе.

Дальневосточное геологическое управление попыталось через суд аннулировать перераспределение и вытрясти из меня подъемные, но суд меня оправдал, посчитав мои аргументы более весомыми, чем аргументы заявителя. С тех пор и до настоящего времени я и работаю в энергетике.

До девяностых годов СССР строил много зарубежных объектов в области энергетике и специалисты СО ОРГРЭС выполняли наладку на этих объектах. Как правило, это была заграничная командировка, как минимум на год с зарплатой в валюте, что в переводе на рубли, на порядок выше зарплаты в Союзе. По возвращению даже из годовой командировки появлялась возможность купить квартиру или машину, а если командировка была более длительной, можно было приобрести и то и другое и еще изрядно оставалось на будущее. В общем, это был предел мечтаний любого наладчика. Поскольку я наладчиком не являлся, то особых иллюзий по этому поводу у меня не было. Мои командировки были кратковременными, но зато удалось побывать во многих местах Союза.

В 70-е годы мы сотрудничали с Варшавским институтом энергетике и фирмой польских наладчиков. В рамках этого сотрудничества в начале 70-ых мне удалось побывать в течение десяти дней в Польше. Это сотрудничество сильно помогло мне в период распада СССР.

Еще со школы я увлекался фотографией и даже два сезона проработал фотографом в пионерском лагере. Во время учебы в университете фотография стала моим хобби, а занятия в любительской киностудии Академгородка позволили освоить и навыки киносъемки. Эти увлечения сильно пригодились мне в дальнейшей жизни. В начале 70-ых меня «заразили» туризмом. Побывав на Алтае на Мультинских озерах, используя свои навыки фотографа и кинооператора, я

окончательно заболел пешим туризмом и 25 лет подряд каждое лето с группой единомышленников проводил в горах.

Ореол наших странствий включал в себя Восточные и Западные Саяны, непосредственно Байкал и отдельные места его побережья (не были только на Ольхоне), горный массив Хамар-Дабан и Алтай. Приходилось бывать в, так называемых, «местах силы», особо отмечаемых местным населением. И сейчас, оглядываясь назад, могу сказать, что мне лично пребывание в этих местах очень помогло справиться с трудностями в плане здоровья в последующие годы. В состав группы входили не только коллеги по работе, но и люди из разных регионов СССР, с которыми мы знакомились либо в наших странствиях, либо в рабочих командировках. Если сравнить наше тогдашнее снаряжение с сегодняшним, то остается только удивляться – как мы все это таскали.

Сбор продуктов в поход - это отдельная проблема, которая начинала решаться за полгода до выхода на маршрут. В конечном итоге тушенка приезжала из Казахстана, гречка и пакетные супы из Украины, сублимированное мясо (если удавалось) из Москвы.

Первый поход, 1971 год, на шее кинокамера «Красногорск».

Разведка перевала, Алтай 1974 год

1976 год. Вдоль Байкала на пароходе «Комсомолец» до горячих источников в Хакусах, в дальнейшем переход на оз. Фролиха.

Восточные Саяны – Долина вулканов, озеро Хара-Нур. 1980 год. Вокруг вулканическая лава.

Походная баня на р. Снежная, Горный массив Хамар-Дабан,
1985год

Охота за «кадром»

В каждом походе велся дневник, снимался и монтировался фильм и через месяц после похода, организовывался вечер встречи, где зачитывался дневник похода, просматривались смонтированный фильм и слайды, а каждый участник получал пачку незабываемых фотографий, а иногда и экземпляр походного дневника.

В 1990 году я женился, и в 1991 году у меня родилась дочь. Когда ей было шесть лет, моя и еще две семьи, у одной из которых был личный автобус марки ПАЗ, предприняли автомобильное путешествие по Чуйскому тракту, пройдя, практически, до монгольской границы. В составе группы было 11 детей в возрасте от 6 до 14 лет и пятеро взрослых из них двое мужчин. Это был 1997 год и мой последний поход.

На снимке одна из наших стоянок.

После польской поездки мною заинтересовались органы. Меня начали подбивать на «сотрудничество». Из разговоров я понял, что причиной этому

являются мои обширные связи в Академгородке (много моих друзей там работали и не только с физфака) и в городах, где мне удалось побывать по делам фирмы и завести деловые и дружественные контакты. Предлагалось также «стучать» и на своих сотрудников фирмы.

Мурыжили меня долго – около года. Причем, в качестве оплаты за услуги, сулился карьерный рост и, самое привлекательное – длительная загранкомандировка. В конечном итоге после окончательного отказа с моей стороны, мы расстались, достаточно мирно, но мне было сказано, что загранкомандировок мне не видать, как своих ушей. Обещание было сдержано, и до 1991 года за границы нашей Родины я не выезжал.

В начале 90-ых, когда заработную плату стали платить натурой – консервами, обоями, линолеумом, тряпками и прочими не всегда нужными предметами, инициативная группа специалистов нашей фирмы, куда я тоже входил, организовала закрытое акционерное общество. Учредителями общества стали три юридических лица и группа физических лиц из сотрудников фирмы СО ОРГРЭС, которая к тому времени было переименована в «Сибтехэнерго». Поскольку в числе юр. лиц ЗАО находился Подольский котельный завод им. Орджоникидзе и Загранэнергострой, перед нами открылся зарубежный рынок, где платили наличной валютой. Многим из нас и мне, в том числе, работа на этих объектах позволила просто выжить в эти не простые годы. Мы работали по прямым договорам с Заказчиком на зарубежных объектах и ездили туда просто в командировки на сроки, обычно необходимые для выполнения конкретной работы, так же как в свое время и в СССР.

Для меня это были вначале Югославия, потом несколько раз Турция, затем после распада Югославии – Сербия, Македония. Приходилось бывать и в Монголии. Неплохим подспорьем в плане выживания были результаты моей давней поездки в Польшу, где совместно с польскими коллегами удалось внедрить несколько новых разработок в области энергетики.

В отличие от СССР и впоследствии от России в Польше внедрение новой техники оплачивалось в прямой зависимости от прибыли, полученной от внедрения. И несколько лет группа русских авторов и я, в том числе, получали хоть и небольшое, но вознаграждение, причем в валюте. Естественно, в борьбе за выживание пришлось забыть о работах в лаборатории, о новых разработках. Это было вдвойне обидно, поскольку в конце 80-ых лаборатория переехала в новое помещение, оборудованное по последнему слову техники на то время, а число сотрудников лаборатории приближалось к 20, но ни одной серьезной работы в новой лаборатории так и не было проведено, коллектив распался, специалисты были потеряны.

До настоящего времени нами используются результаты работ, полученные в лаборатории до 1990 года. Акционерное общество, где я состоял, выделилось из «Сибтехэнерго» и, в свою очередь, разделилось на несколько самостоятельных подразделений. Раздел был жестким.

По воле новых хозяев здания, где находилась лаборатория, пришлось покинуть помещение лаборатории и оставить там все оборудование и орг. технику.

В соответствии с веяниями времени, вернее с «неразумными сквозняками», физические лица были вынесены из состава учредителей, и в настоящее время в качестве вольнонаемного я тружусь в одном из осколков бывшего ЗАО «КОТЭС» под названием ЗАО «ЗиО-КОТЭС», где аббревиатура ЗиО означает, что в учредителях состоит котельный завод им. Орджоникидзе.

Несмотря на полную потерю оборудованной лаборатории, наукой немного все же удалось позаниматься. Это случилось с приходом в нашу фирму в 2004 году моего сокурсника Володи Бурова, который до распада СССР работал в «ящике» в области СВЧ-технологий. Совместными усилиями удалось сделать несколько разработок в области СВЧ-плазмы, разработать принципиально новый запальник для розжига энергетических котлов и даже опробовать опытный образец в реальных условиях, сделать наработки в области термоанемометрических измерений расходов газа. Соответствующие публикации и патенты можно найти в Интернете.

Проводились поисковые исследования, и была разработана экспериментальная установка по электрогидродинамическому размолу угля. Но в связи с отсутствием лабораторного помещения и финансирования данной тематики, работы были свернуты, как, впрочем, и остальные упомянутые выше. С наукой было покончено.

Подводя итоги, можно сказать, что в период работы лаборатории моделирования (1969-1989г.г.), много идей не было реализовано по причине - «это слишком сложно, и мы не можем». Со смешанным чувством гордости и обиды видишь в рыночных предложениях зарубежных фирм реализацию идей и даже разработок, родившихся в лаборатории моделирования в период ее существования и отвергнутых по упомянутой причине. Однако часть идей и разработок все же удалось реализовать в нормах проектирования энергетических котлов и в «железе» на конкретных объектах, в том числе и зарубежных.

Были большие надежды на перестройку, которым так и не суждено было осуществиться, мало того, в связи с резким снижением уровня профессионального мастерства рабочего класса, отказ от внедрения по причине «это мы не можем» стал озвучиваться гораздо чаще. Кроме этого нынешние хозяева заинтересованы только в быстрой прибыли, и долгосрочное финансирование прикладной науки не входит в круг их интересов. В настоящее время приказом по предприятию, в соответствие с изменением штатного расписания, с 4 декабря 2013 года должность главного специалиста, которую я занимаю, переводится с полного рабочего дня на сокращенный с коэффициентом 0,5, а с 1 апреля я нахожусь в отпуске без сохранения содержания. Вот такая у меня биография - есть чем гордиться, и есть о чем сожалеть.